

«НЕ ПОДДАТЬСЯ «БЛЕСТЯЩЕЙ ИЗОЛЯЦИИ»...

Казбек СУЛТАНОВ — имя в русском литературоведении известное. Ученый, за плечами которого множество публикаций и множество проникновений в сложный мир самых разных художников слова, — из когорты тех, кто старается обозреть весь литературный процесс. К этому обязывает и должность: **Казбек Султанов — заведующий отделом литературы народов Российской Федерации и Содружества Независимых Государств Института мировой литературы Российской Академии наук. А еще — профессор Московского государственного университета имени М. Ломоносова. С Казбеком Камиловичем и беседует наш корреспондент.**

— *Есть ли, на ваш взгляд, сегодня связи между литературами постсоветского пространства? Можно ли рассматривать их как целостное явление? Или уже слоган «Дружба народов — дружба литератур» давно не в почете?*

— В развенчании «дружбы народов» зашли так далеко, что с водой выплеснули ребенка — саму идею взаимопонимания людей и культур, несводимую к идеологическому конструкту по причине своей принадлежности к разряду вечных ценностей. В силу назревшей исторической необходимости несложно было списать «дружбу» по графе «коммунистическая утопия», куда труднее оказалось заново открыть сущностный смысл межкультурного диалога.

В современной дискурсивной практике диалог часто выступает в роли культурного трюизма или, как выразился А. Пятигорский, «коммуникационной затычки», но будем держаться исконного смысла, точно представленного в энциклопедии «Культурология. XX век»: «форма речи, разговор, в котором дух целого возникает и прокладывает себе дорогу сквозь различия реплик».

Упомянутые вами связи сегодня не столь очевидны и поощряемы, как в недавнем советском прошлом, но суть в том, что они принципиально неотменяемы и потребность наших национальных литератур друг в друге — величина постоянная. Сужение коммуникативного пространства, взаимная глухота, маргинализация идеи диалога — все эти атрибуты ранней постсоветской эпохи и ничем не обогатили.

Вырываясь из-под советского патернализма, национальная мысль на волне этнокультурного реванша стала утрачивать, с одной стороны, навыки конструктивной национальной самокритики, с другой — готовность к диалогическому взаимодействию. В начале 90-х годов возникло странное ощущение какой-то ускользающей разобщенности... Мы стали спотыкаться на пороге, за которым начинался другой национально-культурный мир, раздражаться при встрече с другой ментальностью — как тут не вспомнить по аналогии то раздражение, которое вызывала горская сакля (дом) у завоевателей: «Глаза нам только сакля колет: / Зачем она стоит у вас, / Не нами даная...» (из поэмы Т. Шевченко «Кавказ»). Активизировались культурные предрассудки и предубеждения, стандарты этнической неприязни по схеме,

запечатленной еще Н. Карамзиным в «Письмах русского путешественника»: французы легкомысленные, итальянцы коварные, англичане угрюмые...

Помню подавленного Расула Гамзатова, вернувшегося с шумного и безрезультатного форума, организованного М. Горбачевым с целью примирения армян и азербайджанцев. С каким же трудом далось ему выступление! Давняя дружба со многими азербайджанскими и армянскими писателями не позволяла решительно встать на одну из сторон. Он попытался подняться над схваткой, призвал на помощь общие гуманистические ценности, но так и остался неуслышанным: слишком велики были накал эмоций и взаимная неприязнь, чтобы миротворческий пафос дагестанского поэта достиг своей цели.

В постсоветской борьбе за идентичность межкультурные связи оказались в тени — и как внутрилитературный фактор, и как предмет исследования. Но сегодня лучше понимаешь, что приоритет самобытности и различия не должен подавлять встречное культурное движение как заведомо чуждое и «отменять» то чувство, которое Гете называл «мужеством ощущать себя частью целого»; что межкультурный диалог — не благое пожелание, а, если хотите, залог выживания каждой национальной литературы в современном мире.

Не стоит забывать, что принцип «concordia discors» — единство несходного — издавна присутствует в мировой гуманитарной мысли от античности до Гумбольдта, от Платона до Льва Толстого с его «сопрягать надо».

— **В таком случае нужна ли вообще консолидация литературных сил между народами и странами?**

— Не нужна прежде всего та профанация великой идеи консолидации, о которой безошибочно сказал Н. Трубецкой: «Братство народов», купленное ценой духовного обезличения всех народов, —

гнусный подлог». Но жизненно необходима сама идея, если, конечно, условием диалога становится необезличенность, и он реализуется как взаимно обогащающая встреча «особенного» с «особенным» или собеседование идентичностей, обладающих презумпцией равноценности независимо от «длины» исторической родословной.

Консолидация литературных сил внутренне соотносится с представлением о динамической самоидентификации, не только озабоченной поиском культурно-ментальных архетипов, но и безразличной к другому и вообще к ситуации «культурного пограничья».

Недавно на страницах журнала «Вопросы философии» я столкнулся с призывом «вернуть Россию в ее исторические границы» и перестать «размазывать в многообразии культур и цивилизаций» свое «Я». Подобная сетка смысловых координат не предусматривает место для консолидации, диалога и тем для более для «участного мышления» (М. Бахтин). При этом автора статьи нисколько, видимо, не смущает то обстоятельство, что «изгнание» диалогического принципа и фактора культурного многообразия неминуемо оборачивается для национальной культуры бесперспективным изоляционизмом.

А. Тарковский в стихотворении, посвященном памяти Н. Заболоцкого, написал о «сети пульсирующих жил», а затем в статье о проблемах перевода вновь акцентировал любимую мысль о сетевой, корневой общности разнонациональных художественных усилий: «поэзия разных времен и разных народов пронизана вдоль и поперек особой связью, той сетью нервов, которая придает взаимную жизненность произведениям искусства, хотя давно уже утрачены из виду связи причин, их породивших».

«Если вы хотите знать, что такое человек на войне, то читайте «Мертвым не больно», «Альпийскую балладу», «Дожить до рассвета», «Сотникова».

Ощущение этой глубинной «особой связи» и «сети нервов» входит в состав самоактуализации и самоидентификации, хоть адепты популярного ныне этнокультурного подхода (например, в северокавказском литературоведении) предпочитают ставить знак равенства между произведением и всего лишь манифестацией ментальной специфики. Особая межкультурная связь отсылает к качеству неизолитованности, к авторскому предвосхищению нового духовного горизонта, к выходу за привычные пределы, к поиску неизведанных возможностей. Поэтому переживание встречи с другой культурой, обещающей возможное расширение жанрово-стилевого диапазона, — это такой же ресурс самобытности, как и национальная характерность.

Еще одна ссылка на диалектику «локального» и «универсального», если речь идет о природе межкультурной консолидации: каждая литература самодостаточна, но столь же очевидна ее связь с общими основаниями человеческой культуры — неслучайно философы говорят об «универсальном механизме смыслополагания», который реализуется через национально-литературную вариативность.

— **А может ли вообще иностранная литература быть важной составляющей в формировании суверенных, независимых ценностных ориентиров?**

— Характер и интенсивность рецепции «чужой» литературы предопределяет тот или иной историко-культурный контекст. Литература и культурное сознание, например, пушкинской эпохи жадно впитывали творческие импульсы французской литературы, но вряд ли что-то подобное можно сказать об общественной жизни в эпоху «Бесов» и предреволюционных настроений.

Нет смысла говорить о некоей обязательности воздействия, но неизменным был и остается тот факт, что литературное слово существует в системе притяжений — отталкиваний, формирующих спектр ценностных ориентаций. Межкультурная циркуляция идей и художественных новаций, инициируемая воздействием «иностранной литературы» — неотчуждаемый фактор национальной литературной практики и становящегося национального самосознания. Те же, которые думают, как писал В. Жирмунский, «возвысить свою родную литературу, утверждая, будто она выросла исключительно на местной национальной почве, тем самым обрекают ее даже не на «блестящую изоляцию», а на провинциальную узость и «самообслуживание».

Но, с другой стороны, есть инстинкт самосохранения литературы, призванной отстаивать базовые ценности национального бытия. Особенно сегодня, когда набирает обороты процесс глобальной транскulturации и складывается так называемая «панлитература» — наднациональное дитя глобализации, литература бездомная, обезличенная, общая для всех в том смысле, что базируется на эксплуатации стереотипов массовой культуры.

Есть, наконец, чувство границы, по ту сторону которой расположились угроза унификации, логика саморазрушения и дискредитации самого феномена «национального» и, следовательно, духовной индивидуальности и суверенности национальной литературы.

В этом контексте вспоминается айтматовский иноходец Гульсары, который поначалу никого не подпускал к себе. Ему казалось, что он навсегда свободен и другого не дано. Он останется вольным и не позволит себя оседлать, но однажды волосатая петля сколь-

знула по его голове и повисла на шее. Гульсары не понимал, в чем дело, петля пока не пугала его, но вдруг возмущение и ужас охватили скакунца: сколько он ни бился, петля затягивалась все туже...

Межкультурный диалог — не благое пожелание, а, если хотите, залог выживания каждой национальной литературы в современном мире.

— **И если усилия переводчиков, организаторов в налаживании литературных связей не бесполезны, необходимы обществу и читателю, то что сегодня надо сделать в первую очередь?**

— Продолжить упомянутые вами усилия, исходя из их безусловной необходимости и позитивной ценности. И не уставать на этом пути, сохраняя взаимный интерес вопреки нынешнему торжеству интереса-выгоды, вопреки постмодернистской экспансии ценностного релятивизма. Не будет межкультурного диалога в его разнообразнейших версиях (переводы, контакты, «круглые столы» и т.д.) — получим «войну идентичностей», о которой, кстати, сегодня уже говорят.

Советский мультикультурный проект обанкротился в силу своей идеологической передо-зировки, но идея активизации нового диалогизма остается насущной: «Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии» напоминает о том, что «пространство между анонимным универсализмом и этноцентричным шовинизмом огромно и открыто» — открыто для межкультурного диалогического взаимодействия.

...Однажды во мне проснулся глубокий, как оказалось, интерес к белорусской литературе благодаря книгам Владимира Семеновича Короткевича и несколькими встречами с ним (он дружил с моим отцом в годы их пребывания на Высших литературных курсах). Прошедшие годы нисколько не ослабили то незабываемое по силе впечатление, которое произвели на меня «Дикая охота короля Стаха», «Седая легенда», «Черный замок Ольшанский». Хорошо помню и стихи Аркадия Кулешова, особенно его московский двухтомник в переводах Я. Хелемского.

Я уже не говорю о Василе Быкове... Выступая недавно с докладом «Литература и война», я затронул проблематику «лейтенантской прозы» советского периода и сразу обратился к слушателям: «Если вы хотите знать, что такое человек на войне, то читайте «Мертвым не больно», «Альпийскую балладу», «Дожить до рассвета», «Сотникова».

Полезно или бесполезно это состоявшееся приобщение к другой литературе, которая навсегда стала близкой? Вопрос риторический...

Вопросы задавал Кирилл ЛАДУТЬКО, Москва — Минск.